

Мария
Алексеевна
РОМАНОВА

СЛОВО «ОДИН» В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ

В статье выявляется состав вариантных форм слова *один* в диалектных микросистемах и макросистемах русских старожильческих говоров Северного Зауралья, уточняется место данной лексемы в системе именных частей речи.

Источником исследования явился материал личных наблюдений автора, собранный во время 12 диалектологических экспедиций в 1967–1979 гг. на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов в Тюменской области. Записи были произведены в Ханты-Мансийском (б. Самаровском), Кондинском, Сургутском, Октябрьском, Березовском, Шурышкарском и Приуральском районах. Изучались говоры в их современном состоянии. Наблюдалась речь людей различных возрастов. Наиболее детально изучалась речь лиц старшего поколения, носителей традиционного слоя говоров.

Известно, что вопрос о месте слова *один* в составе именных частей речи в русском литературном языке решается неоднозначно. Одни ученые рассматривают данное слово как количественное числительное (см., например: Шахматов 1952: 194; Гвоздев 1958: 250; Шанский 1958: 301; Филиппова 2004: 138). Другие исследователи (В. Н. Сидоров, В. А. Плотникова и др.) слово *один* не включают в состав числительных. Так, в академических грамматиках 1970 и 1980 гг. оно определяется как счетно-местоименное прилагательное. К классу прилагательных относит слово *один* И. Г. Милославский (см.: Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981. С. 297). В. В. Виноградов слово *один* считает местоименным прилагательным, входящим «и в разряд числительных» [Виноградов 1972: 236]. Разный подход к данному слову объясняется тем, что оно в литературном языке «при счете совмещает в себе формальные

признаки прилагательного с функциями количественного числительного» [Русская грамматика 1980: 574].

Изменяясь по родам, числам и падежам, слово *один* в русских старожильческих говорах Северного Зауралья, как и в других говорах Сибири [Киселева 1968: 248], реализует свои грамматические свойства в четырех парадигмах с разновидностями, которым соответствуют определенные системы падежных противопоставлений.

І. ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

1.01. Парадигмы муж. и ср. рода слова *один* (*одно*) в исследуемых говорах имеют вид: *им. пад.* — одИн, однО; *род. пад.* — одноВ, одноО; *дат. пад.* — одномУ; *вин. пад.* = *им. пад.* или *род. пад.*; *твор. пад.* — однЕм, однИм; *предл. пад.* — однОм : однЕм.

а) Окончание *род. пад. ед. числа* слова *один* в форме муж. и ср. рода и *вин.* (при одушевленных существительных) в русских говорах Северного Зауралья звучит с согласной /в/: *одноВ* рублЯ не хватАт (Нкл.), *адновО* карышА хватИла нАм найИстися (Кш.), не *адновО* арЕшка не маГУ сашшэлкАть (Н. -Нр.), не *адновО* чУма анЕ тАм не пастАвили (Л.), *адновО* блЮда не дашшЫтывайуса (Плн.); *одноВ* чебачкА кОшке далА (Тр.), *аднавО* карАсика астАвили на скаварОтке-та (Ст.) и под. По происхождению это севернорусская форма. В современных поморских и олонецких говорах до сих пор отражаются «различные ступени» произошедшего чисто фонетического процесса в данной флексии: -ого > -оуо > -оо > -ово > -ово [Кузнецов 1953: 165; Борковский, Кузнецов 1963: 236]. По мнению Г. А. Хабургаева, эти факты указывают «на собственно фонетические условия появления [в] на месте [г]» [Хабургаев 1981: 239]. Закрепившись в говорах «великорусского центра», являвшихся «наиболее престижными в процессе междиалектного взаимодействия» [Хабургаев 1981: 238], данное явление (флексия с согласной /в/) охватило большинство периферийных говоров [Пшеничнова 2004: 14], в том числе все старожильческие говоры Сибири [Селищев 1968: 240].

Согласная /в/ в данном окончании в архаическом слое говоров может отсутствовать: у *одноВ* — у *одноО* (Б., Ел., Слх., Сух., Т.), ат *адноО* угалькА нечЁ не ростОпитца (Шх.), йэгОрку ишО *одноО* гОдика нЕ было, ковДА онЕ розошлИся (Х-М), из *аднаО* фитилЯ (Тн., Ст.), из *одноО* броднЯ вЫлила вОду-ту (Ел.), у *адноО* Уха слЫшымась плахА (Л.), из *одноО* большОва дуплА вЫбежал зверОк-от (Т.); *одноО* карышкА поймАл ф сетЕ-то (Чмб.), *одноО* йОршыка на Удочку-ту зацэпИл (Р.) и под. Ср. наличие подобного явления у неличных местоимений: *тоВ*-*тоО* (ис *тоО* блЮда — Б., *никаВ* — *никаО* (Тн.) и *никоО* (Б., Чмб., Шх.)). Заметим, что обычно фонетический вариант окончания -ово распространен в тех русских говорах Северного Зауралья, где в настоящее время наблюдаются позиционно обусловленные варианты В — нуль звука (*снОва* — *снОа*, *слОвом* — *слО-ом* и под.).

б) В твор. пад. ед. числа муж. и ср. рода во флексии в речи лиц старшего возраста употребляется гласная /e/: однЕм веслОм догрЕпса до ШаИму (Чнт.), лОточка-та с однЕм веслОм (Елш.), с однЕм глАзом живЕт (Х-М), с однЕм окупЕм пришОл с рыбАлки (Бел.), однЕм днЕм хОчёт выИличитса, с однЕм ведрОм пО воду-ту ходИла (Юм.), йЭты настЕнны чесЫ с однЕм мАйэтником (Л-Ф), с аднЕм напАлкам рукавИцы свезАла (М-А), сабАка-та с аднЕм Ухам (Окт.), сичАс хОдит с аднЕм кастылЕм, а ланИсь на двУх йэдВА передвиГалса (Акс.), с аднЕм мешкОм пришЛА, фтарОт астАлса дОма (Плн.). Как отмечает Г. А. Хабургаев, в окончании твор. пад. ед. числа муж. и ср. рода «согласному издавна предшествовал гласный, тождественный показателю множественного числа; ср. др. -русск. (с)т — ѣм(ь) — т — ѣх(ь), т — ѣми...» [Хабургаев 1981: 259].

Вследствие влияния литературного языка в настоящее время в говорах отмечается колебание в употреблении данной архаической морфологической особенности у слова *один* (*одно*). В речи одних и тех же лиц старшего возраста могут наблюдаться и традиционные, местные формы, и новые, сходные с соответствующими формами в нормированном языке: с аднИм багажОм (Акс., Н. -Нр.), под однИм слОйэм (Бел., М-А), с однИм окнОм (Х-М, Юм.), с однИм робОчим (Бз.), однИм ведрОм обошлИся (Юм.), с аднИм хвостОм птИца не улЕтит (Н. -Нр.), с аднИм рублЕм, а лАдит чЕ-то купИть (Плн.), с аднИм шкАпам живЕт, адЕжу нЕкуда вЕсить (Окт.), за аднИм рабЕнкам, а скОль ухОду наДа (Кшн.). Известно, что в литературном языке «вместо старого окончания -ѣмь ... под влиянием мягкого склонения местоимений (ср. *он* -*им*) стало употребляться окончание -*им*» [Супрун 1964: 43]. «В говорах, — замечает А. Е. Супрун, — встречается и *однем*» [Там же].

в) В большей части окающих старожильческих говоров Северного Зауралья (по нижнему Иртышу и Конде) наиболее распространенным окончанием в предл. пад. ед. числа у слова *один* в муж. и ср. роде является -*ом*: в однОм рублЕ, спрашывайу у Коли, скОль копЕйок (Бел.), в однОм неводУ (Кн., Л-Ф), на однОм Ухе (Бг.), в однОм глазУ чЕ-то мнЕ мешАт (Ц.), в однОм локтЮ ломОта (Ал.), на однОм-то пАльцэ занОза посажэна (Стн.), на однОм деснЕ какО-то вздУтейо (Сел.) и под. Заметим, что такое же окончание независимо от ударения в этих говорах наблюдается у неличных местоимений: ф такОм йАшшычке (Гп., Ел.), на тОм берегУ (Р.), на тОм угОдйэ (Кн.), ф котОром чесУ (К.). Как видим, система форм слова *один* (*одно*) в указанных говорах та же, что и у местоимения *тот* (товО — тоО, томУ, тЕм, о тОм). Сохранение морфологической системы у данного слова, склонение «совершенно параллельно склонению местоимения *тъ*» представляет глубокий архаизм [Кузнецов 1953: 172; Шахматов 1957: 185].

Лишь в отдельных микросистемах по нижней Конде в предл. пад. ед. числа изредка встречается флексия -*ем* (наряду с -*ом*): в однЕм мЕсте (Елш., Шм., Н.), об однЕм-то сыне тоскУйу, бОле дитЕй-то нЕ было (Мл.). В сургутских и березовско-обдорских говорах флексия -*ем* в предл.

пад. ед. числа у слова *один* (*одно*) в муж. и ср. роде в речи представителей старшего возраста является обычной. Например: в аднЕм стакАне из десетИ крАсна вино з бЕлым смЕшана бЫла (Кшн.), в аднЕм мешкЕ ис петИ мЕлачь накОпана (Лм.), на аднЕм глазУ чЁ-та чЁрнинька пайэВИлася (Ч.), в аднЕм пенАле скОль предмЕтаф у йэВО памешшАтца (Л.), в аднЕм йАшшыке бЫла фсЁ привезЁна (Шр.), в аднЕм клупкЕ мнОга нИтак-та (Акс.), в аднЕм Ухе с утра зудИт (М.) и под. Ср. в тех же говорах: ф тЕм дамУ (Ст.), на тЕм акнЕ (Тн.), ф тЕм карЫте (Л., Шр.), на тЕм абручЕ (Ч.).

Эта диалектная особенность в данных говорах могла установиться в результате грамматической аналогии (с однЕм — в однЕм, как с тЕм — ф тЕм). На это указывает то, что форма предл. пад. с флексией *-ем* в говорах по нижней Конде встретила лишь в микросистемах, где отмечено такое же окончание и у местоимения *тот*: ф тЕм мисесУ (Н., Шм.), ф тЕм стакАне (Мл., Н., Елш.). По мнению Т. Ф. Байрамовой, «оно формирует парадигмы местоимений *весь, этот, один, сам*, т. е. все местоимения с основой на согласную группируются в одном словоизменительном классе» [Байрамова 1976: 76].

Под влиянием литературного языка в говорах идет процесс вытеснения форм предл. пад. на *-ем*: в аднОм килО пять йАблак (М.), на аднОм блЮдичке, аНО ат мАмы астАлась, красИвый ресУнак (Кшн.), на аднОм бакУ сплЮ (Лм.), в аднОм дамУ (М-А, Ш.), в аднОм граФине (М., Ш., Шр.). Нередко в настоящее время наблюдается сосуществование форм: в аднЕм глазУ — в аднОм глазУ (Акс., М-А, Ш.), в аднЕм углУ — в аднОм углУ (Б., М., Ш.). Кроме того, на устранении указанной диалектной черты, по-видимому, сказывается воздействие соседних окающих

 ВСПОМИНАЯ 90-е
(Тюменские художественные выставки последнего десятилетия XX века)

Конец 80-х — начало 90-х гг. в Тюмени вспоминается необычайно бурным художественным брожением. Это был период, когда с полным правом можно было говорить об альтернативном искусстве, представленном молодыми дерзкими авторами, не желающими быть скучными и не боящимися быть смешными и нелепыми. Читатели нашего журнала уже имели возможность познакомиться с творчеством некоторых из них, могли прочитать статьи об истории художественных выставок тех лет в предыдущих номерах «Филологического дискурса» (выпуски № 2 за 2001 г., № 3 за 2003 г. № 4 за 2004 г.). За одно десятилетие появилась плеяда талантливейших живописцев, творчеству которых посвящен альбом «Новое искусство Тюмени», изданный в Екатеринбурге в 1996 г. Примечательно, что участие в совместных экспозициях отнюдь не сделало художников похожими друг на друга (что можно наблюдать сегодня), а напротив, подчеркивало уникальность и неповторимость каждого.

В этом номере мы размещаем материалы, посвященные истории одного явления: это небольшие групповые выставки, демонстрирующие работы двух или нескольких авторов, имеющие камерный характер, но оказавшие существенное влияние на восприятие современниками искусства 90-х. Состоявшаяся в 1989 г. выставка «Улицы и мы», сопровождавшаяся перформансами, чтением стихов, музыкальными выступлениями, была задумана и осуществлена О. Федоровым и О. Власовым, оставившим после себя небольшое, но очень ценное художественное наследие. Его насыщенные, экспрессивные графические рисунки построены на контрасте белого цвета бумаги и черного штриха, бурного, вихрящегося, заставляющего забыть о спокойствии. Столь же экспрессивна живопись О. Власова, хотя в ней есть какая-то затаенная, тревожная неподвижность.

Так получилось, что авторы всегда большое внимание уделяли слову, поэзии, брались создавать иллюстрации к литературным произведениям. Свидетельство тому — представленные в номере рисунки О. Федорова к текстам Ж. Превера, Г. Лорки. Трудно даже назвать их иллюстрациями, потому что для художника важнее не воспроизведение сюжетной стороны, а передача ощущений, вызванных словом. Главное — как можно точнее попасть в настроение поэта, соткать образ из эмоциональных впечатлений, переживаний. В живописи О. Федорова полнее, чем у других авторов, проявился дух времени, состояние, свойственное молодежи тех лет. Причем художник передает это не через события, а через взгляд на вещи, на знакомые городские виды, на излюбленных героев. Среди кумиров оказался В. Маяковский, портрет которого с рисованной лошадью на щеке напоминает о совместных с Д. Бурлюком акциях, когда они, будучи студентами Московского училища живописи, ваяния и зодчества, разгуливали по городу с раскрашенными лицами, громко декламируя собственные поэтические творения.

С 1990 г. в Тюмени было проведено с периодичностью в 1-2 года несколько выставок под названием «Гусь». Число участников менялось от экспозиции к экспозиции, но можно обозначить классический состав: С. Перепелкин, А. Чемакин, А. Ердяков, А. Кухтерин. Иногда появлялись другие авторы, иногда с группой выступали вдохновленные примером друзья — «нехудожники». Так, однажды на выставке можно было увидеть работы К. Михайлова, знакомого читателям «Дискурса» по литературным публикациям (наличеству и в этом номере). «Гусь» распространил свое влияние даже на зарубежье, в 1992 г. выставка демонстрировалась в северных городах Германии, в 1993 г. в Польше, в городе Лешно.

Большинство авторов также знакомо постоянным читателям нашего вестника. Репродукции работ, созданных за последние годы, уже были опубликованы. Сегодня мы бы хотели наряду с новыми показать произведения периода «Гуся», выполненные, можно сказать, начинающими

говоров Ханты-Мансийского района (самаровских говоров), в которых слово *один* (*одно*) в форме муж. и ср. рода в предл. пад. ед. числа последовательно употребляется с флексией *-ом* (в *однОм* *глазУ*, в *однОм* *рублЕ* и *под.*). Таким образом, в результате взаимодействия разносистемных говоров и влияния литературного языка в сургутских и березовско-обдорских говорах в предл. пад. ед. числа устанавливается окончание *-ом*.

Сохранение склонения слова *один* (*одно*) по образцу указательного местоимения *тот* (*то*) в архаическом слое говоров Северного Зауралья можно объяснить тем, что оно, как и в литературном языке [Русская грамматика 1980: 542, 572], продолжает «сохранять омонимические связи с неопределенным местоимением» [Хабургаев 1981: 267], данное слово часто употребляется в значении «какой-то», «некоторый», заменяет отсутствующее в говорах местоимение «некий». Например: *одИн* *стАр*ой *человЕк* *говорЕл*, *штО* *мОл*-нейа *ударЯт* в *людЕй* *врЕд*ных (Чмб.); *у* *одновО* *человЕка* *ружйО*-то *спрЯтано* *бЫло* (Тр.); *к* *одномУ* *рыбакУ* *пришОл* *по* *сЕть* (Н-С); *одновО* *нашова* *парнИш*-ка *прИ*нели на *шофЁра*-та *учИтца* (Л-Ф); *с* *аднЕм* *дрУгам* *анЕ* *сЯли* на *кАтер* (Срг.), *с* *однЕм* *транвАйом* *уйЭ*хали (Ел.), *за* *аднЕм* *мужыкОм* *атпрА*вили *рЫбу*-ту (Ст.), *с* *однЕм* *парнИш*ком *до* *утрА* *блудИли* *пО* *лесу*-ту (Лш.); *в* *аднЕм* *мЕсте* на *йА*-гады *натакА*лися (Кшн.), *в* *аднЕм* *мЕсте* *в* *нЯшу* *правалИ*лися (Лм.), *в* *однЕм* *дЕле* (Б., Н. -Нр., М-А) и *под.* Нужно учесть и то, что в говорах, как и в литературном языке, слово *один* имеет «ослабленную счетно-числовую семантику, ибо единичность передается уже самим единственным числом существительного» [Шанский 1958: 301].

1.02. Сходная с указательным местоимением парадигма зафиксирована у слова *один* и в форме жен. рода.

а) В род, дат., твор. и предл. падежах употребляется омонимичная флексия *-ой* (ср. тОй): у однОй перчАтки пАлец роспо-рОлса (Бг.), из однОй рукавИцы рука вы-вАливатца (Бл.); па аднОй стерляТке фсЕм дастАлася (Акс.), па аднОй рЮмачке вы-пили при стрЕче-та (Ч.), по однОй дорОге иди и не сворАчивай (Ц.); с аднОй карзи-най не дАташшУся (Ст.), за аднОй бОчкой спряталса (Плн.); гледИ, в однОй руке такУ сумИшшу волокЁт (Н-С), в однОй опТеке ф ХАнтах купиИли нУжно-то ле-карсво (Сел.) и под. Заметим, что чаще всего форма *одной* употребляется не в числовом значении.

б) В вин. пад. в традиционном слое русских старожильческих говоров Северного Зауралья отмечено четыре варианта двусложного падежного окончания: *-уйО*, *-ойО*, *-ойУ*, *-уйУ*. Наиболее широкое распространение получила форма вин. пад. жен. рода *однойо*. Она свойственна самаровским, кондинским и березовским говорам. Например: *однойО дЕвочку не оста-виш* (Лш.), *однойО старУшку* (Бел., Ел.), *в однойО стОрону* (Тр., Сух.), *однойО дЕушку не отправляЙ* (Зв.), *бЫло шЭсь такИх чАшок, однойО йА розБИла* (Бз.), *однойО корОушку пришлОся продАть* (Бл.); *ад-нойО кнИгу ана уш прачитАла* (Н. -Нр.), *аднойО сестрУ у йЭй Аннай заУт* (Ч.), *в аднойО квартЕру* (М-А), *аднойО скАску*, *аднойО дЕфку* (Б.). Ср. в тех же говорах: *туйО дЕушку* (Сух., Тр.), *туйО лОтку* (Н., Шм.), *туйО зИму* (Б., Ч.).

В акающих говорах Сургутского района в соответствии с их фонетической системой форма вин. пад. ед. числа жен. рода имеет вид *аднайо*, в обдорских и части кондинских — *однойо* (параллельно с *однойО*).

художниками. Любопытно наблюдать, как в ранних графических рисунках, карандашных набросках уже чувствуются все те тенденции, которые станут определяющими в дальнейшем творчестве. А. Чемакин уже тогда был забавно-ироничным и предельно лаконичным. Минимум средств, одной линией очерчен силуэт, несколько дополнительных штрихов — и перед нами возникают очень выразительные картинки с каким-нибудь незамысловатым бытовым сюжетом. Ирония С. Перепелкина острее. Он всегда утрирует формы, прибегает к стилизации, акцентирует характерные черты героев, где-то доходя до «черного юмора». Собственно, это тоже бытовые сценки, но доведенные до абсурда, благодаря чему перед зрителем вдруг раскрывается нечто такое, что он вовсе не рассчитывал увидеть. Ранний А. Ердяков, как сегодня, предстает автором задумчивым, погруженным в какое-то свое время и пространство. При этом ему удается оставаться удивительно трезвым и рациональным. А. Кухтерин, для которого шаг в будущее возможен только через осознание исторического прошлого, уже тогда экспериментировал со словом в изображении, сопровождая графический рисованный образ поэтическими надписями, орнаментальными знаками и другими символами, придающими произведению глубину.

Сегодня у читателей есть возможность взглянуть на участников «Гуся» и на их творчество глазами самих художников. Воспоминания С. Перепелкина, высказывания друг о друге и портреты друг друга (теперь уже и не вспомнить, кто кого изобразил на воспроизводимой листовке-плакате к выставке) позволяют вновь перенестись в 1990-е гг., вспомнить то лукавое и беззаботно-веселое настроение, ощущение свободы, оттого что у тебя ничего нет и потому ничто не заботит и не напрягает. Ощущение «полной отвязности» (это выражение я впервые услышала от Майка Науменко) и одновременно безграничной ответственности за все, что происходит в мире. Наверно, мы все тогда думали подобным образом.

Сергей ПЕРЕПЕЛКИН

ГУСЬ:

РОЖДЕНИЕ МИФА

«Гусь»... Боже, как давно это было! Много забылось, однако, попытаюсь извлечь из темных закутков памяти то, что еще осталось.

«Гусь» был типичным рыхлым и аморфным образованием, характерным для российского артпространства тех времен. Этакий тюменский «Бубновый валет», объединивший людей молодых, талантливых, нагловатых и темных. Единственным мотивом, заставившим нас объединиться, было имманентно присущее молодежи стремление сбиться в стаю для того, чтобы ловчее отрывать куски мяса, да и защищаться скопом удобнее. К тому же, работ у всех нас было мало и для полноценных выставок приходилось собирать «как-быединомышленников». Вопреки распространённому мнению, «Гусь» не был пиком искусства «восьмидесятников» в Тюмени, скорее, он возник на излете культурного бума тех лет. Грандиозные выставки середины восьмидесятых, эти яркие дилетантские «вампуки» были уже в прошлом и художники органично разделились на небольшие более-менее творчески однородные группы: Олег Федоров и Олег Власов, Таня Киселева (Вершинина) и Оля Трофимова и собственно «Гусь», объединивший всех остальных. Ирка Сашнева и Оксанка Васильева к тому времени уже жили в Москве, а Анька Матусина в Питере. Нельзя сказать, что «Гусь» был уж совсем механическим соединением, в нем была своеобразная органика. Андрюха Ердяков и я учились на одном курсе, с Санькой Чемакиным мы вместе работали, Андрюха, Сашка Прудников и Костя Михайлов вообще были друзьями детства, а Сашку Кухтерина активно продвигали Костя и особенно Андрей, справедливо видевшие в нем большой талант. Могу поклясться, что ни КГБ, ни комсомол (как мне приходилось слышать) к нашему союзу не имели никакого отношения.

К сожалению, я не помню, сколько мы вместе провели выставок, думаю, пять или шесть, ...

Например: однойО лошадь дАли запрекчиИ, однойО лопАту потерЯли (Лш.), рОньжа-та однойО шЫшку за другОй выжулУбливат (Стн.), аднойО жЭньшыну (Кш., Слх.), аднойО гумаАгу за другОй палучАм (Слх.), аднайО каврИгу-ту с сабОй берИ, вЕчерам уж дОма бУдим (Ст.), аднайО пАчку вЫкурит и за другУ примАтца (Лм.).

Кроме того, в отдельных микросистемах отмечены также чисто диалектные формы: *однуйу* — *однуйУ* старУху домОй призвалА (Гп.), жарка, дАк аднуйУ акрОшку хлебАм, аднуйУ шУбу па прАзникам адевАла (Ш.); *однойу* — *аднайУ* стирЛятку паймАл (Кшн.), в аднайУ рыба-лавЕцку бригАду (Срг.), аднайУ пАру билА (наряду с аднайО –Тн.). Ср. также: ф туйУ граждАнску войнУ (Гп.), туйУ шАль (Ш.), ф тайУ стОрану (Срг., Кшн.).

Членные формы вин. пад. жен. рода (однуё, одноё, одною) О. Н. Киселева фиксирует в старожильческих говорах Средней Оби [Киселева 1968: 251]. По наблюдениям П. Я. Черных, в сибирских диалектах «повсеместно встречается форма род. -вин. ед. ч.: *тоё, всеё, одноё* ...» [Черных 1953: 61]. Несколько вариантов двусложного окончания вин. пад. жен. рода (однуйО, однойО, однуйУ, одиныйО) М. А. Жовтобрюх отмечает в говорах ряда южных районов Тюменской области [Жовтобрюх 1958: 147]. Диалектную форму *аднайю* (аднаё) В. И. Чернышев приводит при описании народных говоров некоторых селений Московского уезда [Чернышев 1901: 25].

В сургутских и обдорских говорах вариативная форма *аднайю, однойю* могла быть вынесена из говоров метрополии. Как отмечает П. С. Кузнецов, формы типа *тоё, одноё* «наблюдаются и в говорах близ Москвы» [Кузнецов 1953: 136-137]. Исторически она установилась в материнских говорах в связи с общей тенденцией вытес-

нения старой формы вин. пад. формой род. падежа [Булаховский 1953: 164]. Диалектную форму *однойу* (аднайУ) в сургутских говорах можно рассматривать как результат обобщения новой формы, возникшей под влиянием род. падежа, и старой формы *одну*. Форма *однуйо* установилась в результате скрещивания старой формы вин. пад. *одну* с формой род. пад. *однойэ* (> однойО) [Черных 1953: 61; Шахматов 1957: 361]. Двучленную форму *однуйу*, зафиксированную в отдельных микросистемах самаровских и березовских говоров, по-видимому, можно рассматривать как контаминацию *одну* и окончания прилагательного адъективного склонения.

Приведенный материал убеждает, что членные формы слова *один* в вин. пад. жен. рода закрепились под влиянием парадигмы словоформы *та*. «Особенное влияние, — подчеркивает А. А. Шахматов, — оказали местоимения на склонение *один*, которое уже в общерусском праязыке склонялось по местоименному склонению» [Шахматов 1958:303].

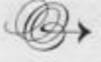
Следует отметить, что рассмотренные специфически диалектные формы вин. пад. жен. рода в русских старожильческих говорах Северного Зауралья относятся к числу исчезающих. Они наблюдаются только в речи лиц старшего возраста, носителей архаического слоя говоров. Чаше других употребляется форма *одну*, характерная и для литературного языка: аднУ страганИну на закУску-ту падайУт (Кш.), однУ шшУку сЁдни на крючЁк-от поймАл (Сух.), однУ сковорОтку рЫбы сйЭли уш (Лш.), аднУ сквАжыну прабуриИли (Б.), в аднУ карОбачку слОш крючкиИ-та (Лм.) и под. «Но все же преобладающими в тюменских говорах, — пишет М. А. Жовтобрюх, — являются формы *саму'*, *одну'*» [Жовтобрюх 1958: 147].

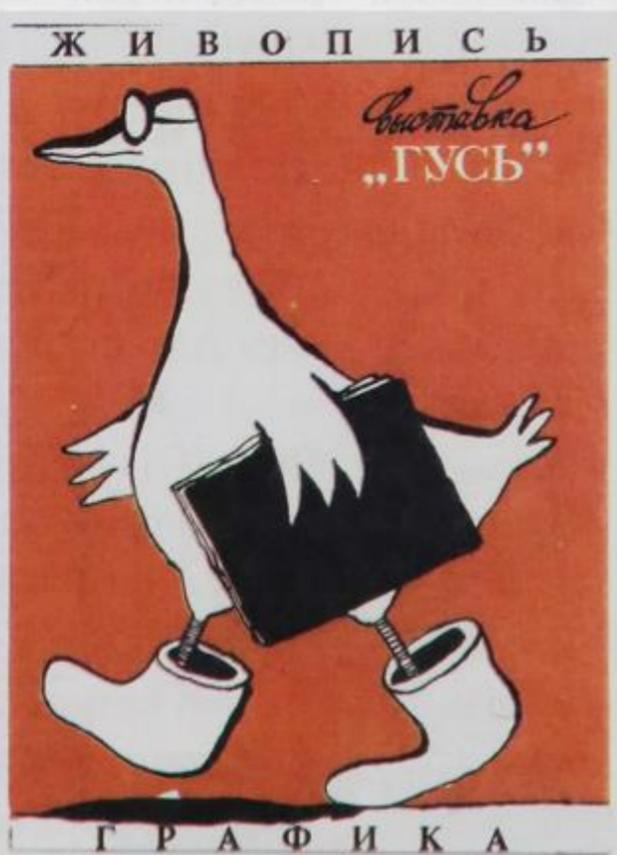
может, меньше, смотря как считать. Последним гвоздем в гроб «Гуся» стало увольнение Шуры Чемакина из Театра кукол в 1995 г. Это событие стало концом «Гуся».

Нужно сказать, что при всем моем уважении к художникам «Гуся», Шура Чемакин был его лицом и душой. Собственно, он дольше и увлеченнее всех и играл в эту игру. Рисовал смешные плакаты про гусей, создал из старого ведра и установил на постамент в парке скульптуру Гуся, делал веселые орнитологические инсталляции.

Совершенно особую роль играл во всей этой истории Костя Михайлов, придавший в общем изначально незамысловатой идеологии «Гуся» некое трансцендентное измерение.

Костя — врач, поэт, умница, один из самых больших оригиналов, среди знакомых мне людей, своим парадоксальным и циничным взглядом на мир всегда напоминавший мне человека Просвещения. В те годы он баловался кистью, создавая какие-то безумные обаятельные «закаляки» и писал (вместе со мной, конечно) бредовые манифесты, призванные окончательно запутать зрителя.

Андрей Ердяков приносил некую необходимую рациональность в нашу мутную и хаотичную деятельность. Думаю, без него «Гусь» бы не состоялся, или состоялся бы в другом виде.

Словоформа *одне* в сочетании с существительными, имеющими как ед. число, так и множественное (исключая обозначения парных предметов), употребляется в омонимичных формах — в значении неопределенных местоимений «какие-то», «некоторые», «некие»: пошли однЕ парнИшки в лЕс да заблудИлися (Нкл.), однЕ жЭньшыны приходИли перепИсывали нАшу скотИну (Чмб.), однЕ лЮди вОт йЭто посоветовали мнЕ (Л-Ф), однЕ солдАты жЫво фрицОф-то выБили отгУдаф (Гп.), аднЕ радИтели хватИлися, а робЁнка-та в агрАде нЕту (Плн.), аднЕ мужыкИ тУт ладОм шуравАли (Н. -Нр.), фчерА у нАс были аднЕ знакОмы (Б.), аднЕ лЮди уж брАли йАгады-та (Кшн.) и под. Словоформе *одне* свойственны также указательные функции: однЕ прАзники прошлИ, топЕрь другИ (Тр.), однЕ стУлья крЕпки, йИх ишО мОй дЕдушко лАдил, другИ фсЕ розвалИлися (Чмб.), в йийУле то аднЕ внУки прийдут, то другИ (Акс.).

Словоформа *одне* (< одьнĥ) исторически является морфологическим новообразованием, сложившимся под влиянием *те* (< тĥ). Вычленившийся аффикс *-ĥ* из форм косвенных падежей *т-ĥ-х*, *т-ĥ-м*, *т-ĥ-ми*, *т-ĥ-х* «в качестве показателя множественности» постепенно закреплялся в формах прямых падежей, образуя словоформу *тĥ*, которая вытеснила старые родовые формы (ти, ты, та) [Хабургаев 1981: 258; Борковский, Кузнецов 1963: 250]. «Унифицированная флексия» *-ĥ* формы *тĥ* («без родового значения») стала распространяться и на прямые падежи слова *один* во мн. числе (*одн-ĥ* как *тĥ*). Однако словоформа *одн-ĥ* могла возникнуть и по аналогии с косвенными падежами мн. числа этого же слова (*одн-ĥ-х*, *одн-ĥ-м*, *одн-ĥ-ми*, *одн-ĥ-х*). А. А. Шахматов отмечает, что «в ряде числительных установилась ассоциативная связь между формой именительного множественного и формой косвенных падежей множественного числа: ... при *одне* — *однем*, *однеми*; при *одни* — *одним*, *одних* ...» [Шахматов 1957: 304]. По его мнению, этому «способствовало в особенности то, что и в местоимениях формы именительного множественного и косвенных падежей множественного числа были связаны между собой» [Там же]. Заметим, что в литературном языке словоформа *одне* в начале XX в. сохранялась со специализированным значением жен. рода. «В моем словоупотреблении, — пишет А. А. Шахматов, — *одне* является только при женском роде (непоследовательно) под влиянием школьной грамматики» [Шахматов 1952: 194].

В связи с возрастающим влиянием нормированного языка параллельно с диалектной формой *одне* появляется и форма *одни* (с числовым и нечисловым значением): аднИ нОжницы ф хадУ на фсЮ семейУ (Кш.), аднИ штиблЕты уш износИл (Р.); аднИ рыбаки зимОй мнОго стЕрледи наловили подлЁдным лОвом (Чмб.), аднИ парнИшки па йэвО прибегАли (Н. -Нр.), аднИ газавикИ гаварИли, што здЕсь большЫ перемЕны пайдУт (Плн.), аднИ учителя аднО трЕбуют, а темЯ па-другОму атвичАй (Лм.).

2.02. В род., дат. и предл. падежах в архаическом слое исследуемых говоров словоформа *одне* имеет окончания *-ex*, *-em*, *-ex*. Например: в со-

четании со словами *pluralia tantum* и с существительными, обозначающими парные предметы: у однЕх брЮк застЁшка сломАлася (Лш.), у аднЕх варОт хОт стАл худОй (Лм.), у однЕх сабогОф стЕлёк-то нЕту (Чмб.); по однЕм чесАм врЕмё-то глежУ, онЕ испрАвны (Бл.); в аднЕх сУтках невнОга чесОф, нечЁ не успЕш срОбить (Ст.), на однЕх весАх вес-от по-другОму показАл (Бз.), в аднЕх шаравАрах фсЁ лЕта прахадИл (Ш.).

В других случаях указанные формы косвенных падежей мн. числа употребляются как неопределенное или указательное местоимение: *род. пад.* и *вин.* (при одушевленных существительных) — у однЕх людей мЫ оста новИлися тАм (Бел.), у однЕх товАришшэй Он провЁл вЕсь вЕчер (Н.), у однЕх купцОф оНа сЕмь лЕт прожылА (Х-М), онЕ нАнели однЕх людЕй крЫшу-ту покрЫть (Шм.), у однЕх кедЁр сУчйа снИзу идУт, у другИх высОко гОла кЕдра (Р.); *дат. пад.* — к однЕм старикАм какОт незнакОмой зашОл в огрАду (Елш.), к однЕм колхОзникам зашла погрЕтца (Чмб.), к однЕм робетИшкам некак не поддЕлася, другИ норовЯт к тибЕ (Л-Ф); *предл. пад.* — как не спОмниш прИскаску об однЕх лентЯйах (Чнт.), в аднЕх палАтках пажАр бЫл (М.), в аднЕх чумах йИх алЕнийим мясам угашшАли (Слх.), в однЕх шАйках днА глАтки, в других какИ-то шаршАвы (Сел.) и под. «Эти нечисловые значения, — подчеркивает А. Н. Гвоздев, — вызывают переход слова *один* в другие части речи» [Гвоздев 1958: 251]. Развитие местоименного значения у данного слова в русских говорах Северного Зауралья способствовало сохранению архаических (древнерусских) форм с гласной /e/ в косвенных падежах под влиянием *тот* (тЕх, тЕм, о тЕх). Такая парадигма склонения *одне* (однЕх, однЕм, об однЕх) отмечается во многих говорах Европейской России (устюжанских, галичских, холмогорских, онежских, тотемских, соликамских и др.) [Шахматов 1957: 303, 319]. Формы мн. числа «однѣ, однѣх, -м» А. М. Селищев фиксирует в ряде сибирских говоров [Селищев 1968: 280].

Наблюдения показали, что диалектные формы с окончаниями -ех, -ем, -ех в рассматриваемой парадигме уже исчезают. Параллельно с данными формами у носителей традиционных черт местной речи известны и окончания -их, -им, -их: из однИх хорОшых брЁвен дОм-от пострОили (Н.), у однИх знакОмых ф ХАнтах двЕ нОчи ночевАла (Чмб.), у аднИх жЫтилий (Срг., Ст.), к аднИм прамыславикАм (Лм., Срг.), в аднИх бригаДах (Кшн., Ш.), на аднИх пескАх рыбАчили (Слх.), в однИх местАх хрушкОй-то кЛЮквы набрАли (Шм.). Эти формы здесь установились под влиянием литературного языка, где «во мн. числе *одни* склоняется по образцу мягкого склонения прилагательных, отступая от склонения местоимения» [Супрун 1964: 43].

2.03. Особый интерес представляет форма твор. пад. мн. числа. Она оканчивается на -мя: аднемЯ шшыпцАми такИ шурУпы не вЫташшыш (Ст.), аднемЯ сУтками порАне приЙЭхала (Юм.), с аднемЯ вИлами остАлса — фсЁ рОсташшЫли (Бел.), хОть чЁ хОш дЕлай, с аднемЯ санЯми, го-

ворИт, не пойЭду, нАдо запрекчИ двУх лошадеИ (Зв.), однемЯ граблями вы́ровнял фсЮ зЕмлю на огороде-то (Л-Ф).

В сочетании с существительными, имеющими как ед. число, так и множественное, словоформа *одне* в твор. пад. выступает как неопределенное местоимение или в указательной функции. Например: с однемЯ людЯми по сОнцу вы́шла из лЕсу-ту (Бел.), с однемЯ мужыкАм нидЕлю йЭздил рыбАчил (Н.), за однемЯ домАми (Ал., Чмб.), с однемЯ парнИшками Удить ушОл (Т.), под однемЯ Избами клАт искАли (Нкл.), между аднемЯ приИА-телями спОр зашОл, а потОм чинИтца стАли (Кш.), за аднемЯ людЯми атпрАвила спрафку-ту (Ч.), с аднемЯ дЕушками дружЫлса (Б.), с однемЯ мнУками вы́водилася, а чичАс другИ пошлИ у дочерИ (Бз.), с аднемЯ пианЕрами уйЭхал в райиОн, а с темЯ пазнЕй придётца йЭхать (Ш.) и под. Ср. в тех же говорах: темЯ деньгАми (Бл., Ел., Кш.), с темЯ мужыкАми (Зв., Чмб.), с темЯ людЯми (Б., Бз., Ст., Сух., Ч., Ш.). О влиянии формы указательного местоимения *темя* свидетельствует сохранение гласной /e/ в окончании и ударение на конечном гласном флексии *-емя* (с однемЯ).

Изредка в речи лиц старшего возраста встречаются формы на *-мя* и в дат. падеже: к аднемЯ штиблЕтам цЭлый чАс наскИ падбирАт (Ч.), по однемЯ чесАм узнайУ врЕмё, другИ стойАт (Бз.), по однемЯ ворОтам (Бел., Стн., Ц.); к однемЯ мужыкАм пошОл (Стн.), по однемЯ весАм вы́шло килО, а по другИм-то боле (Н.). Ср. в тех же говорах: к темЯ людЯм (Бз.), к темЯ мужыкАм (Стн.), по темЯ ворОтам (Ч.).

Формы на *-мя*, возникшие в результате контаминации окончаний *-ма* (по происхождению флексии дат. -твор. дв. числа) и *-ми* [Шахматов 1957: 358], получили широкое распространение в вологодских, пермских и вятских говорах, являясь «приметой творительного и — реже — дательного падежей склонения местоимений и прилагательных» [Булаховский 1953: 183]. «Такое *-мя*, — подчеркивает А. А. Шахматов, — находим особенно часто в восточных севернорусских говорах, и притом как в творительном, так и в дательном падежах» [Шахматов 1957: 359]. Омонимичная форма твор. и дат. падежей, совпадающая в форме творительного, могла возникнуть в исследуемых говорах на пути отхода от специфически диалектной черты. Но, возможно, она установилась под воздействием омонимичной формы указательного местоимения дат. и твор. падежей *к темя* — *с темя*, характерной для данных говоров.

Влияние нормированного языка приводит в настоящее время к распространению в речи лиц старшего поколения литературных форм дат. и твор. падежей мн. числа: к однИм ворОтам — с однИми ворОтами (Ц.), к однИм чесАм (к однИм чесАм она нОвой ремешОк купи́ла) — с однИми чесАми (мойА дочь пЯть лЕт хОдит с однИми чесАми — Бел.), к аднИм парнЯм — с аднИми дЕушками (Ст.), по однИм сабогАм (износИли за год-от по однИм сабогАм) — с однИми бродешкАми (с однИми бродешками на рыбАлку-ту уйЭхал, нЕ ф чё будёт переобУтса — Шм.).

Таким образом, парадигматическая система склонения слова *один* (*одна, одно*) и *одне*, сложившаяся в русских старожильческих говорах Северного Зауралья, постепенно разрушается. Об этом свидетельствует тот факт, что все диалектные образования, вытесняемые литературными формами, отмечены лишь в речи лиц старшего возраста (членные формы слова *один* в вин. пад. жен. рода, формы твор. пад. мн. числа на *-мя* и др.).

Рассмотренный материал позволяет считать слово *один* (*одна, одно*) в изучаемых говорах счетно-местоименным словом в составе количественных числительных. Анализ фактического материала показал, что наиболее обоснованной, на наш взгляд, представляется точка зрения В. В. Виноградова: в литературном языке у слова *один* «с признаками числительных совмещаются признаки местоимения». «Будучи формой, в которой скрещиваются две грамматические категории, — пишет он, — числительное *один* сохраняет морфологическую систему местоименного прилагательного ... Система форм слова *один* та же, что у слов *этот, сам*» [Виноградов 1972: 236]. По морфологическим признакам это слово в архаическом слое русских старожильческих говоров Северного Зауралья совпадает с указательным местоимением *тот* (*та, то*). Кроме категорий падежа, свойственной количественным числительным, данное наименование имеет категории рода и числа. Во всех падежах наблюдается согласование с определяемыми существительными в роде, числе и падеже: *одИн рУбель, однА рубАха, с однОй копЕйкой, в однЕм гнездЕ* и под. Сохранение такой парадигмы связано с тем, что слово *один* имеет яркое местоименное значение — часто выступает в значении неопределенных местоимений «какой-то», «некоторый», во многих случаях заменяет отсутствующее в говорах местоимение «некий» (с *однЕм дрУгом*). Такое употребление облегчило проникновение в его склонение форм склонения указательного местоимения *тот*.

При рассмотрении местоименного слова *один* в составе системы числительных как лексико-грамматического разряда прежде всего учитываем то, что оно является единственным обозначением «соответствующего количества» и может «служить количественным определителем любых существительных, обозначающих единичные предметы» [Шанский 1958: 302]. При счете диалектоносители употребляют слово *один* «в одном ряду» с другими количественными числительными. Например: *однО ведрО клюквы набралА, двА набрала, трИ и дЕсеть, и ссыпАть уш йийО нЕкуда, хОть подвОду ишшЫ* (Кн.), *адИн рАс напОмнила йэмУ, двА разА, пять разОф, а Он кАк не слышит* (Лм.), *спервА одИн человек из нАших мужфкОф итИ поохОтилса, потОм двА и трИ охОтника нашлИся сЁдни шшыбАть шЫшки-то* (Гп.), *с однЕм парнИшком или з двумЯ, тремЯ ли ушОл по шЫшки* (Ц.).

Слово *один* в исследуемых говорах является составным элементом числительных: *восемсОт двАтцать адИн рУбель уш накапИла, рАз долга рО-*

била на аднЕм мЕсте (Тн.), йэвО сестрА ф ТобОльске пробИрки готОвит и получАт за йЭту робОту стО трИтцать одИн рУбель ли пЯть рублЕй (Юм.), сОрок однА верстА былА ужЭ пройЭхана, ковДА хватИлса докумЕнтоф-то (Чмб.) и под. Без данного слова, как отмечает Н. М. Шанский, «система обозначения количества предметов и счетно-числовых понятий была бы невозможна» [Шанский 1958: 301].

ВЫВОДЫ

1. Слово *один* в составе количественных числительных в русских старожильческих говорах Северного Зауралья, склоняясь по образцу указательного местоимения *тот*, заимствовало у него специфические местные особенности в оформлении ряда падежных окончаний (например, в говорах отмечается фонетический вариант флексии без согласной /в/ в род. пад. ед. числа муж. и ср. рода, форма предл. пад. ед. числа на *-ем* в березовско-обдорских и сургутских говорах, твор. пад. мн. числа на *-мя* и др.).

2. В парадигматической системе слова *один* (однА, однО) и *одне* (однИ) в исследуемых говорах диалектной вариативностью характеризуются формы предл. пад. ед. числа муж. и ср. рода (об однОм : об однЕм), дат. пад. мн. числа (однЕм : однемЯ) и вин. пад. парадигмы словоформы *одна* с двусложным окончанием (однуйО : однойО (аднайО) : однойУ (аднайУ) : однуйУ).

3. Наличие диалектных и других вариантов ряда падежных форм слова *один* (однА, однО) и *одне* вызвано не только экстралингвистическими факторами (контактированием разносистемных диалектов, взаимодействием диалектной и литературной систем), но и внутриязыковыми закономерностями развития говоров.

4. В склонении слова *один* (однА, однО) и *одне* в русских старожильческих говорах Северного Зауралья сохранились некоторые архаические черты, унаследованные от древнего склонения (например, употребление гласной /е/ в окончании твор. пад. ед. числа муж. и ср. рода (с однЕм) и в формах косвенных падежей мн. числа (однЕх, однЕм, об однЕх). Вместе с тем в парадигматической системе слова *один* (однА, однО) и *одне* отмечается ряд новообразований. По аналогии установились такие формы, как *в однЕм, однЕ, с однемЯ — к однемЯ* (в результате взаимовлияния местоименных разрядов или различных падежных форм внутри одной и той же парадигмы). Как контаминированные формы возникли такие диалектные новообразования, как *однойУ (аднайУ), однуйО, однуйУ*.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Березовский район: Б. — Березово, Плн. — Полноват, Шх. — Шаховская; *Кондинский район*: Ал. — Алтай, Бг. — Богданы, Бл. — Болчары, Елш. — Елушкина, К. — Кама, Кн. — Кондинское, Лш. — Леуши, Мл. —

Мулымья, Н. — Назарово, Нкл. — Никулкина, Н-С — Новая Силава, Стн. — Сотник, Чнт. — Чантырья, Шм. — Шаим, Юм. — Юмас; Октябрьский район: М-А — Малый Атлым, Н.-Нр. — Нижние Нарыкары, Окт. — Октябрьский, Ч. — Чемаша, Ш. — Шеркалы; Приуральский район: Акс. — Аксарка, Л. — Лабытнанги, Слх. — Салехард; Сургутский район: Кшн. — Кушникова, Лм. — Лямина, Срг. — Сургут, Ст. — Сытомино, Тн. — Тундрино; Ханты-Мансийский район: Бел. — Белогорье, Бз. — Базьяны, Гп. — Горноправдинск, Ел. — Елизарово, Зв. — Заводные, Л-Ф — Лугофолинская, Р. — Реполово, Сел. — Селиярово, Сух. — Сухорукова, Т. — Тюли, Тр. — Троица, Х-М — Ханты-Мансийск, Ц. — Цингалы, Чмб. — Чембакчина; Шурышкарский район: Кш. — Кушеват, Мж. — Мужа, Шр. — Шурышкары.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байрамова Т. Ф. Особенности склонения местоимений *тот* и *весь* в говоре с. Топольного Солонешенского района Алтайского края // Материалы по грамматике и словообразованию говоров. Красноярск, 1976.
2. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: АН СССР, 1963.
3. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. II. (Исторический комментарий). Изд-е 4-е. Киев: Радянська школа, 1953.
4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 1972.
5. Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык. Ч. I. Фонетика и морфология. М.: Учпедгиз, 1958.
6. Гвоздев А. Н. Современный русский язык. Ч. I. Фонетика и морфология. М.: Учпедгиз, 1958.
7. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.
8. Жовтобрюх М. А. Морфологические особенности зауральских говоров русского языка // Учен. зап. Черкасского гос. пед. ин-та. Т. XII. Серия историко-филологических наук. Вып. 4. Черкассы, 1958.
9. Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). М.: Учпедгиз, 1952.
10. Киселева О. Н. Морфологическая система старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1968.
11. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка: Морфология. М.: МГУ, 1953.
12. Пшеничнова Н. Н. Владимирско-Поволжские говоры (Лингвогеографический и структурно-типологический аспекты) // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII). М.: Наука, 2004.
13. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980.
14. Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. I // Селищев А. М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968.
15. Супрун А. Е. Имя числительное и его изучение в школе. М.: Учпедгиз, 1964.

16. Филиппова Л. С. Современный русский язык: Морфология. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004.
17. Черных П. Я. Сибирские говоры. Иркутск, 1953.
18. Чернышев В. И. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда // Сборник ОРЯС АН. Т. 68. № 3. СПб., 1901.
19. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957.

Светлана
Михайловна
БЕЛЯКОВА

СЕМАНТИКА БУКВ КАК ФЕНОМЕН МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются буквы русского и латинского алфавитов в качестве факта современной массовой культуры, их восприятие и символика.

Littera scripta manet (лат.)
(Написанная буква остается)

*Где твердый знак и буква «ять» с «фитою»?
Одно ушло, другое изменилось...*

А. Тарковский

Феномен букв алфавита в современном мире кажется простым лишь на первый взгляд. Буквы (или звукобуквы) несут разнообразную семантическую нагрузку: некоторые из них могут прочитываться как междометия, частицы, предлоги, союзы и звукоподражания (последнее — при удлинении). Стало уже общепринятым и обращение исследователей к явлению фоносемантики. Однако здесь речь пойдет не об этом. Не рассматриваем мы и аббревиацию, которая, имея непосредственное отношение к данной теме, все-таки должна описываться отдельно (особенно в плане восприятия аббревиатур). И хотя о русском алфавите написано немало, а в многочисленных трудах от Аверинцева до Якубинского (если использовать алфавитный принцип) рассмотрены многие его особенности, тема остается вечно новой и с течением времени поворачивается другими гранями. Попытаемся определить разнообразные функции букв русского и латинского алфавитов в современной массовой культуре, их восприятие и символику.

Восприятие букв менялось на протяжении всей истории нашего языка. Известно, что во время создания славянских алфавитов буквы были непосредственно связаны с Богом, христианскими идеями и ценностями (на-